

ОБРАЗ АВТОРА В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКЕ

(Н.А.ДОБРОЛЮБОВ И К.Н.ЛЕОНТЬЕВ

О РОМАНЕ И.С.ТУРГЕНЕВА “НАКАНУНЕ”)

Орехова Л. А., доктор филологических наук, профессор

Розглядається роль авторського образу, в тому числі мистифікованого, в ідейно-композиційному задумі літературно-критичній статті.

The given work deals with the role of author's image, particularly mystified one, in the genre of literary-critical article.

Когда в мае 1860 г. в “Отечественных записках” появилось “Письмо провинциала к г. Тургеневу по поводу повести г. Тургенева “Накануне” (без подписи), трудно было предположить, что его автор - К.Н.Леонтьев, молодой еще человек (не было и тридцати), только начинающий литературную карьеру [1]. Еще труднее было представить, что несколько лет назад именно Тургеневу принес Леонтьев, “бледный болезненный юноша”, студент-медик Московского университета, свою первую комедию “Женитьба по любви”. Неужели теперь, в 1860, наставник и ученик поменялись местами? Столь уверенно и безапелляционно “отчитывает” последний знаменитого русского прозаика за роман “Накануне”: “Вы недостойны себя как творца “Рудина”, “Гнезда”, “Муму”, “Затишья”, даже “Записок охотника”, которые однако много уступают в деле зрелой красоты этим повестям. Что за математическая ясность плана? Разве такова жизнь? Все лица собрались для олицетворения общественных начал [2].

Разумеется, перед читателем не случайная, а спланированная ситуация, в которой сознательно разыгрывают неожиданные роли как Леонтьев, так и Тургенев, смиренно принимающий упреки безвестного провинциала и даже передающий “Письмо...” А.А.Краевскому для скорейшего опубликования. В чем смысл этой “комедии масок” и почему Леонтьев прибегает к ампула почтенного строгого дворянина, считающего себя вправе высказать неудовольствие новым тургеневским произведением: “Я прочел “Накануне” с увлечением, но оно неприятно потрясло меня... В деревне нет возможности иметь разом под рукою все журналы и сообразить все критические отзывы” [с. 8]. Зачем напускная наивность и ортодоксальная фраза: “сообразить критические отзывы”? Тем более, что дальше следует вполне квалифицированный разбор повести, причем совершенно в духе и стиле времени. И конечно, нельзя верить, что Леонтьев действительно не был знаком с критическими отзывами о “Накануне”, в частности, с напечатанной двумя месяцами раньше в “Современнике” статьей Н.А.Добролюбова “Когда же придет настоящий день?”, имевшей огромный общественный резонанс и послужившей поводом для разрыва Тургенева с журналом.

Ключом к разгадке этой историко-литературной мистификации как раз и становится... добролюбовская статья. Сопоставляя ее с “Письмом...” К.Н.Леонтьева, нельзя не заметить, что “провинциал” высказывает не только ряд прямо противоположных, по сравнению с выводами Добролюбова, суждений (приемлемых, однако, для Тургенева), но и избирает для этого “контрстиль”, важнейшим композиционным элементом которого становится образ вымышленного автора-“провинциала”. Разберемся детальнее.

Успех статьи Н.А.Добролюбова обусловлен не только мастерским анализом романа, смелыми оппозиционными суждениями, но и осязаемым авторским обаянием. Каждому читателю рисовался образ необыкновенного человека, умного, тонкого критика и страстного борца. Разумеется, молодежь увидела в Добролюбове образец для подражания, хотя статья обращена к различным читательским слоям. Литературная слава Тургенева и популярность “Современника” обеспечивали пеструю читательскую аудиторию, и это учитывал Добролюбов, сумевший с первых строк завладеть читательским вниманием.

Полемика с эстетической критикой, содержащаяся в начальных абзацах, сокращена предельно, чтобы не утратилось заданное заглавием статьи эмоциональное напряжение. Пародирование сентиментально-романтических оценок (“поэзия самая свежая и благоуханная”, “понимание невидимых струй и течений”), а затем намеренное занижение стиля (“Мы хотим просто подвести итог тем данным, которые рассеяны в произведении... Работа нехитрая, но нужная”) [3] достаточно убедительно, хоть и лаконично, характеризовали критические принципы автора. При этом обещание “разобрать, проверить и поставить на

место все цифры, из которых составляется этот сложный отчет”, не только заверяло в беспристрастности анализа, но и своеобразно вводило в иную лексическую сферу, видимо, чиновничью, весьма понятную “обремененным множеством занятий и отдыхов”.

Уже на этом этапе достигая необходимой дифференциации читателей (кто отбросит статью, кто прочтет с любопытством, кто со злобой, а кто-то увлечется), Добролюбов, по мере усиления политической определенности рассматриваемых образов, все настойчивее и чаще обращается к “своему” читателю, “вошедшему в разум”. Добролюбовские раздумья о необходимости борьбы целенаправленно мобилизуют молодые силы. Заметим, как постепенно, от страницы к странице, уточняются и становятся более категоричными формулировки: “деятельные стремления души зреют и крепнут” [с. 224]; “в обществе могут быть отдельные сильные натуры” [с. 225]; “деятельность, требующая большого напряжения и борьбы” [с. 226]; “определить себя на широкую и смелую деятельность, на вольную борьбу” [с. 227]; “слиться душой с каким-нибудь великим делом” [с. 228]; “как может человек успокоиться, когда его родина порабощена и угнетена”, “любовь к свободе родины”, “облегчение участи бедных земляков” [с. 229]; “настоящая деятельность” [с. 230]; “что делать?” [с. 231]; “как делать добро?” [с. 232]; “всю эту среду перевернуть” [с. 235]; “права на жизнь и волю русского народа” [с. 240].

Многомерное авторское “мы” выполняет в статье несколько функций. “Мы” заменяет добролюбовское “я” (“мы нашли нужным высказать это”), олицетворяет партийную солидарность (“Вот почему полагаем мы...”), но чаще всего “мы” – форма соразмышления с читателем: “И где же разрешение сомнений? Тщательно, жадно ищем его...”; “Мы тоже рады сделать доброе дело... Мы подадим милостыню...”; “Думали мы...” [с. 223-224]

Возникающему в читательском сознании з а т е к с т о в о м у образу Добролюбова, человека устойчивых смелых убеждений, демократа, в полемике с добролюбовскими выводами, по мысли Леонтьева, убедительно мог противостоять совершенно другой образ – популярный в дворянских читательских кругах. Это не профессиональный критик, вступающий в состязание “на равных”. Это должен быть голос читателя-дворянина, каких много: лояльного, рассудительного, твердых понятий (а не “туповатого”, как Николай Артемьич Стахов, не “хорошенького и грациозного”, как Шубин, и не “неуклюжего и старообразного”, как Берсенева).

Избранному и воплощенному Леонтьевым авторскому образу впору внешняя неприязнительность, явно заключающая в себе выпад против уверенного добролюбовского “мы”: “Я изложу то, что Я думаю об этом. Я в некоторых случаях есть признак скромности” [с. 6]. Форма “мы” у Леонтьева имеет только один смысл – я и адресат письма, т.е. автор статьи, и писатель Тургенев, обязанный прислушиваться к мнению русского дворянства: “Но довольно об этом. Перейдем к Елене” [с. 8]. Тургенев между тем “принужден” принять позу склонившего голову художника, “неверно” уловившего “веяния времени”, тогда как Добролюбов видел ценность тургеневского таланта в “живом отношении к современности”.

Но знающий жизнь “провинциал” публично обвиняет создателя “Накануне” в неправильном понимании общественных вопросов: “Второй недостаток романа, имеющий более общий характер, это механические приемы, которые Вы употребили для объяснения читателю, что Инсаров человек дела не сухого, а поэтического” [с. 8]. И далее: “Вина Ваша относительно Елены не в нравственном принципе, олицетворяемом ею, но, с одной стороны, в слабости ее воплощения (Добролюбов признавал в Елене “энергический, деятельный характер” – Л.О.), с другой – в слабости воплощения Инсарова, а корень того и другого в несимпатичности Инсарова для русского вообще и для Вас самих” [с. 10]. Низводя образ Инсарова до уровня досадной ошибки писателя, Леонтьев освобождает Тургенева от необходимости вступать в открытый спор с Добролюбовым: вместо Тургенева молодому критику “Современника” отвечает будто бы посторонний человек.

Как видим, продуманный и искусно воплощенный (в этом Леонтьеву отказать нельзя) образ автора-“провинциала”, а также форма ведения полемики – в виде частного письма, где не обязательно активное возражение оппоненту – сообщили леонтьевскому отзыву размеренность, уверенность монолога (у Добролюбова – страстный диалог с читателем), что, возможно, пришлось по сердцу дрогнувшему и усомнившемуся после статьи Н.А.Добролюбова “образованному большинству”.

Литература

1. К 1860 году были опубликованы повести К.Н.Леонтьева "Благодарность" ("Московские ведомости", 1854), "Лето на хуторе" ("Отечественные записки", 1855, кн. 5).
2. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т.8. М., 1912. С. 4. Далее статья К.Н.Леонтьева цитируется по названному изданию с указанием страницы в тексте.
3. Добролюбов Н.А. Избранные сочинения. М.-Л., 1948. С. 218. Далее номер страницы указывается в тексте